

КОВОРЪ

№ 12164

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПЕТУШКА, 22-го ЯНВАРЯ (1-го ФЕВРАЛЯ) 1910 ГОДА.

Литературныя замѣтки.

Юбилейная гипербола.

Существуетъ особый видъ гиперболы: гипербола юбилейная. Кажется, это та самая, которая въ известномъ анекдотѣ «можетъ съѣсть больше слова». Но крайней мѣрѣ, аппетитъ у нея удивительный.

Водится она по преимуществу въ Россіи и все больше въ литературныхъ «сферахъ». Какъ только какой-нибудь юбилей русскаго писателя—такъ сейчасъ выполняется это прожорливое наѣдокое. И заражаетъ этотъ микробъ встрѣчнаго и поперечнаго.

Талантливъ «критикъ» Корній Чуковский. Положимъ, онъ не столько критикъ, сколько миноносель-«встребитель». Поступаетъ съ писателями, какъ капитанъ Немо съ англійскимъ военнымъ кораблемъ: подплылъ, пронзилъ его «насквозь» и опустил на дно морское. «Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!» А самъ весело плыветъ дальше, «искивъ кого поглотить».

Но вотъ настали юбилейные дни—дни «о Чеховѣ», и даже въ это бронированное сердце заползъ предательскій микробъ. Г. Чуковский начинаетъ писать, какъ сто первый, какъ тысяча первый юбилейный «поминальщикъ». Это онъ—во всей нашей «лѣвой» печати единственный, смѣющій не походить на другихъ!

Разумѣется, Чеховъ у него—«гений» и, разумѣется, «не подозревающій о своей гениальности». Хотя въ то же время якобы стыдливо ее скрывающій. Какъ можно скрывать то, чего не подозреваешь? Какъ можно видѣть то, чего не видишь? О, тайна юбилейныхъ противорѣчій!

И дайте: «этотъ великій русскій талантъ, которому суждено превзойти Тургенева и стать плечо въ плечо съ Толстымъ...»

Ну, послушайте! Конечно, «сложно не съѣсть—гипербола съѣсть». Конечно, дни юбилейные—дни разрѣшенія вина восторговъ и елей похвалы. Но все-таки... «Всякому безобразію есть свое приличіе», какъ говорятъ въ «Вишневомъ садѣ». Въ Толстой написать, кажется, «Войну и Миръ», и «Анну Каренину»; написалъ наконецъ, «Крейцерову сонату». Есть ли хоть что-нибудь равное, не говорю уже по широтѣ живописи, по грандіозности созданія, но хотя бы по тонкости интимнаго постиженія человѣческой души (нарочно беру область Чехова), по художественной *требовательности*, наконецъ, между рассказами Чехова? Какъ была жизнь, отраженная въ этихъ рассказахъ, какъ мелокъ ихъ горизонтъ—именно при свѣтѣ этого сокрушительнаго для нихъ сравненія! И повторяю: бѣдность эта не есть только скудость «объективная» — заключенная только въ матеріалъ чеховскаго творчества,—она есть въ значительной степени и узость его собственнаго художественнаго горизонта. Какъ многое не интересовало его сравнительно съ Толстымъ и съ Тургеневымъ! Какъ много страницъ вырвано было изъ книги его души!

Что сказать Чеховъ о природѣ, о смерти, о любви, что можно было бы сравнить, чѣмъ можно было бы дополнить постиженія Тургенева, мудрость Толстого? У насъ любятъ теперь сравнивать чеховскія картинки природы съ описаніями Тургенева и увѣрять даже, будто перья «исправили и дополнили» послѣднія. Но между отношеніемъ къ природѣ Чехова и Тургенева та же разница, что между отношеніемъ современнаго интеллигента-дачника, умнаго, тонкаго и природу любящаго, но мало съ ней связаннаго (какимъ и былъ Чеховъ), и отношеніемъ помѣщика старыхъ тургеневскихъ временъ, выросшаго въ деревнѣ и половину жизни въ ней проводшаго, который такъ сроднился со своимъ родовымъ «дворянскимъ гнѣздомъ», съ его лѣсами, полями и лугами, что уже не могъ разобратъ, гдѣ кончается онъ самъ и гдѣ начинается вездѣсушая «мать-природа». Но мы всѣ — дачники теперь, и просто забыли тургеневскія времена и тургеневскую жизнь. Что до Чехова, то онъ самъ прекрасно понималъ себя. Купивъ имѣніе подъ Москвой, онъ писалъ: «создаю я дачниковъ, а не помѣщиковъ» (къ Егорову; 1892 г.).

Вообще Чеховъ былъ скромнѣе и правдѣе. И въ этомъ отношеніи, укромнѣе

юбилейнымъ микробомъ, г. Чуковский тоже безжалостенъ къ нему: онъ увѣряетъ, будто Чеховъ всю жизнь носилъ какую-то „хлестаковскую маску“, скрывая подъ ней свой истинный ликъ (ужь навѣрное „ликъ“?), и мороча близкихъ своимъ „ухарствомъ“ и „балагурствомъ“, ради „цѣломудрія одинокой и скрытной души“. Всѣ письма Чехова будто бы лишь „какъ бы шить“; всѣ его обычные разговоры—тоже; всѣ его многочисленные „дружбы“—тоже.

Они (друзья-пріатели) и не подозревали, что всегда, съ самаго начала, рядомъ съ ними здѣсь, у Палкина и въ Большой Московской, „балагурилъ и пьянствовалъ гений, художникъ, мудрецъ“.

Подумаешь, какія хитрая дѣла дѣлаются на свѣтѣ! Цѣлая двадцать лѣтъ простой, на взглядъ такой искренній, мягкій и привязчивый человекъ „носить маску“, трагически лицемѣрить, морочить друзей, очевидно безконечно ихъ презирая. Пригибается подъ ихъ ростъ, „скрывая свой гений“.

Къ счастью, все это было гораздо проще. Мнѣ совѣстно напоминать г. Чуковскому слишкомъ классическое:

И моль дѣтей ничтожныхъ міра,

Быть можетъ, всѣхъ ничтожныхъ онъ...

Если уже величайшій нашъ гений написалъ о себѣ эти строки съ откровенностью, съ простодушіемъ гения,—то почему бы не разрѣшить и одному Чехову поужинать иной разъ у Палкина, въ компаніи своихъ, искренно имъ любимыхъ „Радге“ (А. Н. Плещеева) и „Жана“ (г. Щеглова), и распить съ ними бутылку родного „нималскаго“, безъ внутренней напряженности само-скрывающагося „мудреца“, а по-просту, по-человѣчески, какъ и всѣмъ намъ, грѣшнымъ, случается?

Но лишь божественный глаголь...

Вѣдь въ томъ и „творческая“ тайна вся (право, совѣстно писать—да ужь днѣто юбилейные!), что „Духъ вѣсть гдѣ хочетъ... приходитъ и уходитъ, и никто не знаетъ, откуда...“ Ну, а если бы гений изъ „скрывающихся“ имѣлъ возможность, по своему произволѣнію, удаливъ „друзей“ и сѣвъ за письменный столъ, говорить: „Дай-ка, теперь стану гениемъ“,—то никакой „тайны“ и не было бы, а была бы лишь, говоря словами Достоевскаго, „скутища неприличнѣйшая“. И поэтому можно быть не только Чеховымъ—талантливымъ, живописателемъ русской интеллигенціи, а даже, въ самомъ дѣлѣ, мудрецомъ и пророкомъ,—и проигрывать въ банкъ, какъ Толстой, въ рулетку, какъ Достоевскій, повѣсничать, какъ Пушкинъ, бретерствовать, какъ Леопольдъ. И все это безъ тѣни какого-либо маскарада и оболваненія близкихъ, безъ всякой „скромности чече гордости“.

Особенно же эта „правда жизни“ понятна въ ясномъ, непосредственномъ, еще не зараженномъ литературной специализаціей и професіональнымъ самоиѣніемъ Чеховѣ. Его письма—легкая, безпретенціозная рѣчь съ домашней фамиллярностью, съ домашними остротами,—лучшее его зеркало. Вовсе онъ не мудрецъ, но мы не прожѣнаемъ его на всѣхъ, мудрашихъ теперь надъ нимъ и вокругъ него.

П. Перцовъ.